

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/90/11

**Православные акценты сюжетобrazующего
концептуального поля романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание»
на уровне пространства и времени
Екатерина Александровна Головачева¹**

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, eagolovacheva@tpu.ru*

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение особенностей объективации смысло- и сюжетобrazующего концептуального поля (КП) «преступление / наказание» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне пространства и времени и уточнение его роли в оформлении православного «кода» произведения. Последовательное изучение признаков КП «масштабность распространения кризиса» (характеризует пространство), «бегство» (обозначает реальное и желаемое перемещение героев в пространстве), «предопределенность конца» (характеризует осознание героями времени) в словесной ткани произведения позволяет рассмотреть аксиологические доминанты произведения и уточнить научные представления об особенностях образов персонажей романа.

Ключевые слова: хронотоп, роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», поэтика, концепт, художественная картина мира

Для цитирования: Головачева Е.А. Православные акценты сюжетобrazующего концептуального поля романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне пространства и времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 232–259. doi: 10.17223/19986645/90/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/11

**Orthodox features of the core conceptual field
in Fyodor Dostoyevsky's *Crime and Punishment*
at the level of space and time**

Ekaterina A. Golovacheva¹

¹ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
eagolovacheva@tpu.ru*

Abstract. The article focuses on the features of the objectification and representation of the core conceptual field *crime/punishment* at the level of space and time in Fyodor Dostoevsky's *Crime and Punishment*. The aim of this work is to clarify the

field's role in the design of the Orthodox "code" of the work. The frontal analysis of the text allowed identifying the signs of the conceptual field *crime/punishment*: the scale of the crisis spreading (characterizes space), escape (denotes the real and desired movement of objects in space), and predetermination of the limit (characterizes the hero's awareness of time). These signs form a semantic unity. The modulations of the word revealed during a detailed analysis of the episodes of the work, in which the *scale of the crisis spreading* sign is actualized, allowed Dostoevsky to depict the tragedy of criminal and immoral ideas, and crimes that go beyond St. Petersburg and are rapidly spreading. These modulations help to present at the symbolic level an apocalyptic picture of civilization's death. The objectification of the *predetermination of the limit* sign emphasize the relationship between the categories of crime and punishment – blind and fatalistic adherence to false beliefs leads Raskolnikov to life disorientation and illness. In the finale of the novel, the lexical nuances allow depicting the intensity of Raskolnikov's emotional experiences and show his need for self-rescue. The objectification of the *escape* sign emphasizes the psychological drama of the novel's heroes (Raskolnikov, Svidrigailov) and focuses the reader's attention on the tragic consequences that individualism, self-will, loss of conciliarity and fraternal unity lead to. Thus, the analysis of the Orthodox accents of the narrative-forming conceptual field at the level of space and time made it possible to identify important axiological features of *Crime and Punishment*, and clarify Dostoevsky's ideological position. It also helped to refine scientific ideas about the characters' features (Raskolnikov, Luzhin, Svidrigailov, Porfiry, Razumikhin, etc.), as well as about the finale of the novel. The nuances of the verbal design of the *crime/punishment* conceptual field's signs (scale of the crisis spreading, escape, predetermination of the limit) allow tracing the writer's thought about the depth of the crisis experienced by Russian society. They also help to identify the complex of the most important axiological and Orthodox features implemented in the text (conciliarity, compassion, saving humility, etc.).

Keywords: chronotope, Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*, poetics, concept, artistic worldview

For citation: Golovacheva, E.A. (2024) Orthodox features of the core conceptual field in Fyodor Dostoevsky's *Crime and Punishment* at the level of space and time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 232–259. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/11

Вопросу изучения православия как ценностной доминанты¹ творческого наследия Достоевского посвящено значительное количество исследований [1–12]. Основу художественной картины мира в романе «Преступление и наказание» организуют категории православия², важнейшими среди которых являются милосердие, братская любовь и сострадание, приоритет нравственного закона над юридическим, признание возможности нравственного возрождения преступившего и воскрешающей роли страдания в процессе признания и искупления вины [9, 11, 13–16]. Интерес к рассмотрению их особенностей в романе [3. С. 35–36; 17], связи с национальными чертами

¹ Во многих исследованиях подчеркивается, что православные идеи и почвеннические воззрения писателя являются основой художественной картины мира произведений Ф.М. Достоевского [1–12].

² Об этом см., например, в работах [9, 11, 13–16] и др.

русской культуры¹ обуславливает актуальность изучения модуляций романного слова и их роли в смысло- и формообразовании.

В основе настоящего исследования лежит концептологический² подход к изучению художественного текста, опирающийся на представление о тесной взаимосвязи между аксиологическими доминантами произведения (идеей), охватывающим их авторским словом (стилем) и поэтикой³ [19. С. 86–91].

Смысловой уровень исследуемого романа структурирован идеей православия, которая получает лексическую репрезентацию за счет концептов «преступление» и «наказание» [19. С. 93–95], «семья» [20] и др. Тесная взаимосвязь категорий «преступление» и «наказание», проявляющаяся практически на каждой странице исследуемого произведения, формирует единое смысловое концептуальное поле (КП), соединяющее сюжетный, композиционный, образный, пространственно-временной уровни поэтики романа. Посредством указанного КП, воплощающего доминанты «Преступления и наказания», организуется романная картина мира, представляющая собой вариант национальной и авторской картины мира. Анализ заглавия романа, истории его создания и структуры также свидетельствует о том, что КП обеспечивает внутреннюю целостность произведения и передает важнейшие нюансы развития истории Раскольникова, а также позволяет последовательно акцентировать в слове⁴ важнейшие особенности романной идеи, реализовать ее во всей диалектической полноте, показать кризисное состояние общества, обозначить авторское понимание его причин, наметить пути выхода из него.

В рассматриваемом произведении Достоевский подвергает переосмыслению традиционные для русской языковой культуры представления, связанные с понятиями, оформляющими название произведения. Способы репрезентации КП в разных частях сюжета свидетельствуют о значительном его обогащении новыми аксиологическими (авторскими) признаками по отношению к традиционным в русской культуре [19. С. 160–164]. Посредством их последовательной объективации в романном слове актуализируются доминанты идейно-философского содержания «Преступления и наказания», уточняются важные детали образов действующих лиц, акцентируется православный «код» произведения.

¹ См., например, в работе [5] и др.

² Термины «концепт» и «художественный концепт» используются в значении базовой единицы национальной картины мира и смыслового уровня текста, которая обретает многообразное переосмысление, проявляется в авторском слове и представляет собой авторский инвариант картины мира, проявляясь на всех уровнях поэтики (подробнее об этом см., например, [18. С. 74–83]).

³ Методология концептологического анализа позволяет выявить область пересечения авторской и национальной картин мира, а также уточнить известные представления о поэтике романа на всех уровнях.

⁴ А также на всех уровнях поэтики (сюжет, композиция, система образов, хронотоп).

Анализ художественного целого предполагает рассмотрение специфики воспроизведения картины мира и аксиологии произведения на всех уровнях поэтики. Важнейшим из них является пространственно-временной, который формирует художественную картину мира, жанровое своеобразие [21. С. 234–407; 22. С. 134–164], смысл произведения [21. С. 234, 406] и имеет сюжетобrazующее значение [21. С. 398].

Отдельным аспектам изучения хронотопа в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» посвящены работы Л.П. Гроссмана [23], М.М. Бахтина [21, 24], Г. Волошина [25], С.Н. Дурылина [26], А. Цейтлина [27], Г.М. Фридляндера [28], Д.С. Лихачева [29], Ф.И. Евнина [30], Ж. Катто [31], Д. Арбан [32], С.М. Соловьева [33], В.Н. Топорова [34–35], В.Я. Кирпотина [36], В.В. Кожина [37], К.В. Мочульского [38], Т.А. Касаткиной [39], Ю.И. Селезнева [40], А.Н. Кошечко [41] и др. Сложная структура и особые характеристики (концентрированность, уплотненность, скоротечность, динамичность, объемность, неограниченность, драматическая напряженность, поляризованность и т.д.¹) хронотопа в прозе писателя выполняют множество ролей: становятся катализатором трагедийного исхода сюжета и хаоса в произведениях Достоевского [42. С. 51–80; 18. С. 154–181]; создают «"поле" кризисного развития» [42. С. 51], «смысловую и пластическую ауру» [42. С. 52], являются факторами самосознания героев [42. С. 78] и определяют их поведение [34. С. 96]. В романе «Преступление и наказание» пространство и время отражают уникальные особенности поэтики произведения, поэтому рассмотрение способов объективации смысло- и сюжетобrazующего КП «преступление / наказание» на уровне хронотопа, выделение авторских признаков и уточнение их роли в актуализации идейно-философского содержания произведения представляется особенно актуальным².

Уже на этапе замысла романа проблемы «пожертвованного поколения»³, реалистичного изображения современной жизни и кризисного состояния городов на уровне пространственно-временной организации текста играли важную роль для писателя. Одним из самых ранних свидетельств поставленной художественной задачи является письмо Достоевского Каткову (1865):

Есть еще много следов в наших газетах о необыкновенной шатости понятий, подвигающих на ужасные дела. (Тот семинарист, который убил девушку

¹ Подробнее об этом см. в перечисленных исследованиях, а также в работе [42. С. 51–80] и др.

² Кроме того, данное исследование создает основу для рассмотрения особенностей воспроизведения смыслобrazующих концептов в немецких переводческих интерпретациях романа «Преступление и наказание» и уточнения характерных черт рецепции данного произведения в немецкой словесной культуре.

³ См. об этом: [43. Т. 28. С. 207, 261, 272, 279–280, 298] (письма А. Майкову); [43. Т. 29(2). С. 78–79] (письма С. Х.Д. Алчевской); [43. Т. 30 (1). С. 22–24] (письма студентам Московского университета), [43. Т. 30 (1). С. 63] (письма Н.А. Любимову), [43. Т. 30 (1). С. 66] (письма К.П. Победоносцеву).

по уговору с ней в сарае и которого взяли через час за завтраком, и проч.). Одним словом, я убежден, **что сюжет мой отчасти оправдывает современность** [43. Т. 7. С. 311] (здесь и далее выделено нами. – Е.Г.).

Из данной переписки становится очевидным, что в начале творческого пути над «Преступлением и наказанием» Достоевский ставил перед собой задачу максимально реалистичного изображения повсеместных признаков глубокого кризиса ценностных основ православной культуры и масштабно-сти его распространения [44. С. 135–139]. Пространственная организация романа сконцентрирована в основном на определенных уголках Петербурга. В различных исследованиях отмечается трагичность в восприятии Достоевским своей эпохи, а изображение петербургских картин, наполненных атмосферой духоты, шума, вони, сутолоки, нищеты, задает определенный тон – город концентрирует в себе все болезненные социально-психологические процессы [28, 36, 40, 46–49]. Достоверность описания атмосферы неприглядного городского пространства, тесных улиц, на которых происходят бытовые драмы и будничные трагедии, подчеркивает тенденции к разобщенности, замкнутости, безнравственности, порочности и преступности общества [45. С. 330–333, 341–342].

На улице **жара** стояла **страшная**, к тому же **духота**, **толкотня**, **всюду известка**, **леса**, **кирпич**, **пыль** и **та особенная летняя вонь**, столь известная каждому **петербуржцу**... [43. Т. 6. С. 6].

Нестерпимая же вонь из **распивочных**, которых в этой части города особенное множество, и **пьяные**, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили **отвратительный и грустный колорит картины**... [43. Т. 6. С. 6].

Тут заинтересовало его **вдруг**: почему именно, во всех **больших городах**, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно наклонен жить и селиться **именно в таких частях города**, где нет ни садов, ни фонтанов, где **грязь и вонь**, и **всякая гадость** [43. Т. 6. С. 60].

О вполне реалистичном изображении города, который становится местом масштабного расслоения общества, нравственного кризиса, распространения новомодных идей и противоречащих религиозным принципам теорий [49], свидетельствуют статистические данные и факты, представленные в номерах «Ведомостей С.-Петербургской полиции», «Голоса»¹, а также приведенные в исследовании В.Н. Топорова [35, 50]. Герои «Преступления и наказания», таким образом, являются отражением многоликой толпы реального Петербурга того времени², в ограниченном пространстве которого

¹ Подробнее об этом см.: [45. С. 331, 333].

² В романе реальные картины Петербурга тесно переплетены с фантастическими, создается особое пространство романа, относящееся к «петербургскому тексту» русской литературы. Подробнее об этом см.: [13. С. 234–235; 50. С. 22–28].

переплетаются их судьбы и разворачиваются трагические события. На словесном уровне писатель подчеркивает, что пространство Петербурга не предполагает комфортных условий для проживания; атмосфера наполнена неприятными запахами (*та особенная летняя вонь; нестерпимая же вонь из распивочных; где грязь и вонь*), повсюду грязь (*всюду известка, леса, кирпич, пыль*). Довершают «отвратительный и грустный колорит картины» расположенные повсеместно пивные заведения (*«вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество»*) и количество их постояльцев (*пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время*). Таким образом, уже в экспозиции «Преступления и наказания» концентрация столь неприглядных описаний города подчеркивает довлеющее воздействие пространства на судьбы людей – роман изобилует мотивами сумасшествия, самоубийства, пьянства. Неустроенность быта, обнищание населения формируют чувство неуверенности в завтрашнем дне, что становится ключевым фактором распространения преступности.

Примечательно, что действие романа сосредоточено в Казанской части Петербурга¹. Данный факт символичен, поскольку название апеллирует к Казанскому собору, в котором находится икона Божьей матери². Таким образом, само это место в городе, в котором Раскольников задумывает и совершает преступление, на символическом уровне указывает на высшее покровительство и на возможность восстановления связи с Богом и воскрешения через покаяние [15. С. 118].

Проанализированные факты создания «Преступления и наказания» и некоторые фрагменты романа, относящиеся к описанию Петербурга, позволяют выдвинуть гипотезу о том, что подробное рассмотрение способов объективации³ КП на пространственно-временном уровне позволит уточнить научные представления об особенностях образов персонажей и аксиологических доминантах романа. В процессе фронтального анализа текста выявлено несколько основных признаков КП, формирующих определенное смысловое единство: *масштабность распространения кризиса*⁴ (характеризует пространство), *бегство*⁵ (обозначает реальное и желаемое перемещение героев в пространстве), *предопределенность конца*⁶ (характеризует осознание героем времени).

¹ В том числе и полицейская контора располагается в Казанской части.

² Подробнее об этом см.: [15. С. 118].

³ Подробно о признаках концептуального поля «преступление / наказание» см.: [19. С. 95–145].

⁴ Название признака дано на основе выделения смысловых доминант проанализированных фрагментов романа, характеризующих пространство и время.

⁵ Название признака дано на основе наиболее часто повторяющейся номинативной единицы и выделения смысловых доминант проанализированных фрагментов романа, характеризующих пространство и время.

⁶ Принцип номинации признака такой же, как и в п. 11.

Признак «масштабность распространения кризиса»

Поскольку в романе «Преступление и наказание» Достоевский ставит перед собой задачу изобразить разрушение патриархального мироустройства, показать общество в состоянии социального и нравственного кризиса, поэтому яркое проявление КП на уровне хронотопа получает признак «масштабность распространения кризиса». Его объективация реализуется с помощью базовых лексем-репрезентантов концепта «преступление», а также через описание особых свойств пространства и времени.

Признак КП *масштабность распространения кризиса* получает яркую актуализацию во второй части романа в словах господина Лужина. При посещении каморки Раскольникова он пытается произвести впечатление осведомленного и современного человека, принимающего в том числе и новомодные философские веяния. Он подмечает, что различные идеи и реформы уже давно вышли за пределы Петербурга и охватили пространство провинции:

Все эти наши новости, реформы, идеи – все это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть яснее и видеть все, надобно быть в Петербурге [43. Т. 6. С. 115].

Существительные во множественном числе (*новости, реформы, идеи*) и выражения *все эти наши, все это* обобщают представления Лужина о современном прогрессе молодого поколения и увлечении их разнообразными теориями, которым он, как позже сообщается, «порадовался» [43. Т. 6. С. 115]. Указания на топонимы (*в провинции, в Петербурге*) и расположение данных обозначений локусов в конце каждой части предложения, разделенного точкой с запятой, показывает пока еще существующую дистанцию по глубине проникновения разного рода безнравственных идей в центр России¹ и на периферию. Примечательно, что слова Лужина задевают Разумихина («Врешь ты, деловитости нет, – вцепился Разумихин» [43. Т. 6. С. 115]) и он вступает в полемику:

Идеи-то, пожалуй, и бродят, – обратился он к Петру Петровичу, – и желание добра есть, хоть и детское; и честность даже найдется, несмотря на то что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет! [43. Т. 6. С. 115].

Символично в данном фрагменте, как и в предыдущем, использование повторяющегося существительного «идеи», которое в тексте романа после-

¹ В тексте романа также присутствуют отсылки на их распространение в столице России: «А что отвечал в Москве вот лектор-то ваш на вопрос, зачем он билеты подделывал: «Все богатеют разными способами, так и мне поскорей захотелось разбогатеть». Точных слов не помню, но смысл, что на даровщинку, поскорей, без труда!» [43. Т. 6. С. 115].

довательно заменяет в речи повествователя и персонажей слово «преступление»¹ и имеет негативный смысл, содержит отсылку к преступной идее Раскольникова [19. С. 97]. Противопоставление естественных человеческих ценностей (честность, добро) новомодным теориям подчеркнуто словами *добра, детское, честность*. Лексемы *даже, несмотря на* дополнительно акцентируют внимание читателя на том, что различные идеи воспринимаются обществом зачастую без переосмысления и учета определенных культурно-исторических особенностей России, а поэтому способны привести к негативным последствиям. Выражение *видимо-невидимо* подчеркивает масштаб распространения преступности (*привалило мошенников*) в Петербурге. Повторяющееся существительное *деловитость* (*деловитости все-таки нет, деловитости нет; деловитость приобретается трудно; деловитость в сапогах ходит* [43. Т. 6. С. 115]) раскрывают важную черту многих представителей молодого поколения, которые, не имея работы или дела, утратив веру и православные ориентиры, испытывают проблемы самоопределения и зачастую попадают под влияние эгоистичных теорий. Примечательно, что Раскольников также не отличается деловитостью в отличие от Разумихина. Последний, например, благодаря своей уживчивости, практичности и истинной «деловитости» (занятие переводами, умение позаботиться о ближних, договориться с людьми) справляется со сложными жизненными обстоятельствами, которые для Раскольникова оказываются непреодолимыми². Главному герою, напротив, присущи черты «лишнего человека»³: разочарование в жизни; одиночество; погруженность в свои мысли; периодически возникающая мизантропия [53. Т. 4. С. 323]; добровольный аскетизм (как маркер исключительности) и т.д. Очевидная разница характеров этих двух персонажей романа и изреченные Разумихиным слова по поводу «деловитости», таким образом, подчеркивают значимую позицию автора, считавшего, что истинное «дело» способно очистить разум и формировать человека [43. Т. 20. С. 180].

Интересно продолжение этого диалога. Рассуждения Лужина пародируют идеи утилитарной этики английских экономистов И. Бентама, Д.С. Милля, воззрения Н.Г. Чернышевского и др.:

...распространены новые, полезные мысли, распространены некоторые новые, полезные сочинения, вместо прежних мечтательных и романических; литература принимает более зрелый оттенок; искоренено и осмеяно много вредных предубеждений.: Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это, по-моему, уж дело-с... [43. Т. 6. С. 115].

Трагедия уничтожения традиционных ценностей и замещения их вульгарным подражанием западным идеям подчеркнута глаголами *искоренено, осмеяно* и выражениями *вредных побуждений, безвозвратно отрезали себя*

¹ Подробно об этом см. [19. С. 97].

² Подробнее об этом [51. С. 44].

³ См., например: [52. С. 164–187].

от прошедшего. Такое словесное оформление мыслей Лужина маркирует категоричность взглядов многих сторонников «прогрессивных» идей того периода, которые рассматривают возможность изменения мира только путем полного разрыва с прошлым, уничтожения исконных православных традиций. Повтор прилагательного *новое* апеллирует к планируемому предприятию Раскольников, которое он также обозначает как *новый шаг* [43. Т. 6. С. 6], *новое собственное слово* [43. Т. 6. С. 6], *новый вопрос* [43. Т. 6. С. 86], *новый закон* [43. Т. 6. С. 200], аксиологически сближая, таким образом, воззрения Лужина (*новые, полезные мысли, новые, полезные сочинения*) с доступной идеей главного героя романа.

Изначальная восторженность Петра Петровича прогрессивностью Петербурга вступает в явный контраст с замечанием, произнесенным как бы вскользь в продолжающемся диалоге с Зосимовым и Разумихиным:

Не говорю уже о том, что **преступления** в низшем классе, в последние лет пять, увеличились; не говорю о повсеместных и непрерывных грабежах и пожарах; страннее всего то для меня, что **преступления** и в высших классах таким же образом увеличиваются и, так сказать, параллельно. Там, слышно, бывший студент на большой дороге почту разбил; там передовые, по общественному своему положению, люди **фальшивые бумажки делают**; там, в Москве, ловят целую компанию **подделывателей билетов** последнего займа с лотерей, — и в главных участниках один лектор всемирной истории; там **убивают** нашего секретаря за границы, по причине денежной и загадочной... И если теперь эта старуха процентщица **убита** одним из закладчиков, то и это, стало быть, был человек из общества более высшего, — ибо мужики не закладывают золотых вещей, — то чем же объяснить эту с одной стороны распущенность цивилизованной части нашего общества? [43. Т. 6. С. 117].

Представленный фрагмент изобилует номинативными лексемами КП, указывающими на различные преступные деяния¹, распространившиеся в Москве, Петербурге, за границей: преступления (*преступления* (2)), грабежи (*повсеместных и непрерывных грабежах*), разбой (*почту разбил*), фальшивомонетничество (*фальшивые бумажки делают, подделывателей билетов*); убийства (*убивают, убита*). Их масштабный характер подчеркнут за счет повторяющегося глагола *увеличились, увеличиваются*, а также прилагательного *повсеместных*. О скорости их распространения свидетельствуют временные указания: *последние лет пять, непрерывных, теперь*, а также повторы местоименного наречия *там*. Как видно из представленного фрагмента, пространство современных городов представляет собой картину общества, в котором страсть наживы является определяющим фактором поведения. Культ индивидуализма, затрагивающий все социальные слои, становится причиной забвения нравственных связей между людьми². Представителями такого рода «деловой» столицы являются большинство персонажей

¹ Слова, принадлежащие ядру и ближней периферии концепта «преступление».

² Подробнее об этом см.: [54, 55. С. 166–195; 56. С. 239–260; 57].

романа, которые наживаются на чужом несчастье: «промышленник и мошенник» Кох, купец Юшин, Луиза Ивановна, Лужин, Дарья Францевна, Алёна Ивановна.

Примечательно, что слова Лужина вызывают гнев Раскольникова: «А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...» [43. Т. 6. С. 118]. Недавнее изречение Лужина (*давеча*) связывается в его реплике с трагическими последствиями такового (*можно резать*). Фраза передает его собственный греховный опыт и причисляет Раскольникова к галерее всех тех персонажей, которые осуждаются в устах алчного и столь ненавистного ему «подлеца» Лужина. Неслучайно этот разговор вызывает в главном герое муки совести и чувство самонаказания, проявляющиеся даже на физическом уровне¹.

В четвертой части романа признак *масштабность распространения кризиса* актуализируется также в диалоге Раскольникова и Сонечки. Ради самооправдания своей идеи герой указывает на нравственный разврат, который охватил все общество, включая детей:

Неужели не видала ты здесь детей, по углам, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор [43. Т. 6. С. 252].

Указательные местоименные наречия *здесь*, *там* (2), а также выражения *по углам*, *в какой обстановке* подчеркивают повсеместную бедность русских семей, становящуюся причиной разного рода безнравственных поступков: попрошайничества (*милостыню высылают просить*), разврата (*развратен*), воровства (*вор*). На уровне слова Достоевский показывает трагичную картину будущего, в которой дети лишены детства (*детям нельзя оставаться детьми*) и вряд ли смогут выстроить здоровое будущее (*они будущее человечество...* [43. Т. 6. С. 252]). Мрачная атмосфера изнурительной повседневной борьбы за существование способствует постепенной утрате веры в справедливость и божие покровительство и подталкивает к зарождению различных бесчеловечных теорий, жертвой которой становится отзывчивый и чуткий по своей натуре Раскольников.

В шестой части романа признак *масштабность распространения кризиса* актуализируется в речи Свидригайлова. Он четко подмечает нездоровую атмосферу Петербурга и её влияние на людей:

...я убежден, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших. <...> Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем [43. Т. 6. С. 357].

¹ «Раскольников лежал бледный, с вздрагивающей верхней губой и трудно дышал» [43. Т. 6. С. 118].

Субстантивированное существительное *полусумасшедших* и выражение *много народу, ходя, говорят сами с собой* в словах Свидригайлова подчеркивают распространяющуюся в городе ментальную болезнь и безнравственную атмосферу, поражающую душу человека (*мрачных, резких и странных влияний на душу человека*). Также акцентировано внимание на значении и влиянии данного столичного центра на провинции и другие города – *характер его должен отражаться на всем*. Последняя фраза маркирует возможный масштаб распространения негативных, болезненных тенденций Петербурга за его пределы.

Отдельное внимание в речи Свидригайлова уделено различным видам и формам распространившихся в столице преступных деяний:

Народ пьянствует, молодежь образованная от бездействия перегорают в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях; откуда-то жида наехали, прячут деньги, а все остальное развратничает [43. Т. 6. С. 370].

Контингент города составляет интеллигенция (*молодежь образованная*), простые люди (*народ, все остальное*), иммигранты (*жида наехали*). Ряд маркированных глаголов подчеркивают их нравственную и физическую деградацию: *пьянствует, перегорают, уродуется, прячут деньги, развратничает*. Примечательно, что слова Свидригайлова очень точно характеризуют игрища, которые совершает Раскольников (*перегорают в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях*), что служит указанием на картину кризиса всего общества и трагедию каждого, утрату соборности и милосердия.

В репликах Свидригайлова особое значение придается двум факторам, оказывающим негативное действие на человека и подталкивающим его к безверию и утрате православных ориентиров: «климатические влияния» и разрушительные философские «теории»¹. Таким образом, слова Свидригайлова и осознанное понимание им трагедии разрушения традиционных ценностей в обществе служат отличительными маркерами, позволяющими выделить его среди других персонажей романа (Лужин, Алёна Ивановна и др.).

В эпилоге романа признак *масштабность распространения кризиса* проявляется в символическом сне Раскольникова, в котором болезнь, беснование и сумасшествие приобретают мировой масштаб:

Ему грезилось в болезни, будто **весь мир осужден в жертву** какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тогда же бесноватыми и сумасшедшими. Но **никогда, никогда** люди **не считали** себя так умными и непоколебимыми в

¹ По замечанию В.Б. Шкловского, рассуждения о Петербурге в тексте романа в целом являются отражением идей фульеристов, в которых город представляет собой позорное следствие безумного строя жизни. См.: [58. С. 211].

истине, как считали зараженные. **Никогда не считали** непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. **Целые селения, целые города** и народы заражались и сумасшествовали. **Все** были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, **не могли согласиться**, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. **Собирались друг на друга целыми армиями**, но армии, уже **в походе**, **вдруг** начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. **В городах целый день** били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а **все были в тревоге**. <...> Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, – но **тотчас же начинали** что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. **Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало**. Язва росла и **подвигалась дальше и дальше**. Спаслись **во всем мире** могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но **никто и нигде** не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса [43. Т. 6. С. 419–420].

Апокалиптическое¹ видение героя содержит описание гибели цивилизации. Выражения, маркирующие пространство всей Земли (*весь мир, из глубины Азии на Европу, целые селения, целые города, в походе, в городах, подвигалась дальше и дальше, во всем мире, все и всё, целый день*), указывают на распространение **болезней** (*неслыханной и невиданной моровой язвы, трихины, бесноватыми и сумасшедшими, зараженные, заражались, сумасшествовали*), **преступлений** (*убивали друг друга, собирались друг на друга целыми армиями, бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга, дрались и резались*), **тревоги** (*были в тревоге*) и **страданий** (*мучился, бил себя в грудь, плакал, ломал себе руки*) в каждом уголке мироздания. Отрицания *никогда не (3), никто не, не знал(и) (3), никто и нигде, не считали (2), не понимали, не видал, не слышал* поддерживают картину всемирного хаоса. Внезапный характер наступления мировой трагедии и гибели человечества обозначен повторяющимися словами *вдруг, новые, начинали*. Таким образом, словесное оформление КП² на уровне хронотопа, даже на уровне символического сна Раскольникова, позволяет подчеркнуть тесную взаимосвязь понятий «преступление» и «наказание» и масштабные последствия («всё и все») индивидуализма, безверия и забвения нравственных и патриархальных ценностей (соборности, братства, милосердия, жертвенности и т.д.).

Модуляции слова, выявленные при подробном рассмотрении эпизодов произведения, в которых актуализируется признак КП *масштабность распространения кризиса* и расстановка фрагментов романа, в котором он по-

¹ Подробнее об этом см.: [59].

² В особенности обилие номинативных лексем, принадлежащих ядру концептуального поля.

лучил яркую объективацию, позволяют автору без лишней риторики изобразить трагедию выходящих за пределы Петербурга и быстро распространяющихся подобно болезни преступных и безнравственных идей, грехов и преступлений, а в финале на символическом уровне представить апокалиптическую картину гибели всей цивилизации.

Особенности оформления признака *масштабность распространения кризиса* подчеркивают важные черты персонажей романа. Слова Лужина, высказывающего свое отношение к «деловому» Петербургу, раскрывают его собственные недостатки: алчность, индивидуализм, поверхностность. Речь Свидригайлова, очень четко подмечающего пороки российских городов, а также содержащая скрытые указания на понимание сути трагедии Раскольникова, позволяет сформировать образ его идейного близнеца, глубоко осознающего проблемы общества и разочаровавшегося в жизни. Специфика романного слова, выявленная при рассмотрении признака *масштабность распространения кризиса*, помогает уточнить важные черты главного персонажа романа: состояние ценностной неустойчивости, утрату им веры. Показательно, что бесчеловечная теория Раскольникова зарождается в месте, где люди пытаются забыть свои беды и смыть грехи (в распивочной на Сенной). Кабаки и трактиры заменяют храмы и церкви, ночлежки – отчий дом и семейный уют. Подобные места Петербурга порождают собой преступный замысел героя, а картины искалеченных судеб, органично вписанные в пространство города¹, глубоко ранят чуткое сердце Раскольникова, усугубляя его болезненное состояние и подталкивая его к преступлению. Увиденный героем в финале романа сон становится результатом его нравственного пробуждения, указывая на постепенное возвращение к православным ориентирам и возможное воскресение в новую жизнь.

Признак «предопределенности конца»

Еще один рассматриваемый признак КП *предопределенность конца*, относящийся к темпоральным категориям и актуализирующий ощущение нарастающей катастрофы, предвещающей хаос, также позволяет уточнить некоторые доминанты идейно-философского содержания романа. Объективация признака реализуется через особое восприятие времени главным героем, связанное чертами его характера, а также душевными, нравственными и физическими переживаниями (проявление концепта «наказание»), отмеченными на уровне слова уже с момента замысла преступления.

Сюжетно-композиционная организация «Преступления и наказания» сосредоточена вокруг идеи Раскольникова разом разрешить все вековые проблемы общества. Уже в первой части романа одной из важных особен-

¹ Подробнее об этом см.: [20].

ностей восприятия героем времени состоит в том, что в моменты наивысшего эмоционального напряжения прошлое, настоящее и будущее концентрируются в его сознании в единое целое:

Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наиболее давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения [43. Т. 6. С. 39].

Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь... [43. Т. 6. С. 39].

Приведенные фрагменты демонстрируют связь прошлых переживаний Раскольникова (*давно, давным-давно, в последнее время*) с настоящими (*теперешняя, теперь*). Письмо матери побуждает в нём фаталистическое желание как можно скорее начать действия по реализации преступной идеи *неотразимо требуя разрешения, непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее, решиться, хоть на что-нибудь*. Особенности хронотопа и словесная объективация концепта «наказание» (*наболевшие, терзать и истерзали, тоска, замучил, тосковать, страдать*) подчеркивают попытку самообмана и своеволия, акцентируют внимание читателя на ложных убеждениях Раскольникова в предопределенность судьбы и в необходимость реализации замысла.

Во второй части романа после преступления особенности словесного оформления КП и признака *предопределенность конца* усиливают значимость проблемы выбора жизненных и ценностных ориентиров:

Он не знал, да и не думал о том, куда идти; он знал одно: «что всё это надо кончить сегодня же, за один раз, сейчас же; что домой он иначе не воротится, потому что не хочет так жить». Как кончить? Чем кончить? Об этом он не имел и понятия, да и думать не хотел. Он отгонял мысль: мысль терзала его. Он только чувствовал и знал, что надо, чтобы всё переменилось, так или этак, «хоть как бы то ни было», повторял он с отчаянною, неподвижною самоуверенностью и решимостью [43. Т. 6. С. 120–121].

Обилие риторических вопросов («*Как кончить? Чем кончить?*») и многократное употребление частицы «не» (не думал; не воротится; не хочет так жить; не имел понятия; думать не хотел) подчеркивают общую дезориентированность Раскольникова, потерю жизненных целей. Повтор глагола *кончить* и наличие временных маркеров *сегодня же, за один раз, сейчас же*, распространенных обстоятельств образа действия (*так или этак, хоть как бы то ни было*) указывают на желание героя поскорее избавиться от прошлого и вновь акцентируют внимание читателя на проблеме аксиоло-

гической оправданности выбора каждого следующего шага и личной ответственности за совершаемые поступки. Лексема *терзала* и фраза *с отчаянною, неподвижною самоуверенностью и решимостью*, выражающие концепт «наказание», маркируют ложность выбранного пути, который сравним с хождением по мытарствам¹. Неслучайно далее в романе путь Раскольникова и все его действия сравниваются Порфирием с кружением:

Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он всё будет, всё будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть!.. [43. Т. 6. С. 261–262].

Повторы выражения *все будет* и глаголов *запутываться, запутает*, а также возникающие в речи следователя образы бабочки, кружащейся перед свечкой, и расставленных сетей (*как в сетях*) указывают на то, что желание Раскольникова стремительно порвать с прошлым, разом «разрешить неразрешимые вопросы» и убежать от наказания ведут его к саморазоблачению и саморазрушению, усиливают муки совести (*затревожит себя насмерть*).

А. Цейтлин в качестве характерной черты в организации пространственно-временных отношений в произведениях Достоевского выделил динамичность повествования², «конденсацию времени» [27. С. 3–17]. Это особенно заметно в момент совершения преступления и в конце романа, когда ход времени отличается особой скоротечностью.

В шестой части романа перед явкой с повинной Раскольников встречается с матерью, сестрой и с Соней. Каждое из этих свиданий на словесном уровне отмечено фразами, указывающими на скорый финал истории Раскольникова:

Ему хотелось **кончить** все до **заката солнца** [43. Т. 6. С. 398].

Поздно, **пора**. Я **сейчас** иду предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя [43. Т. 6. С. 399].

Пора, очень пора [43. Т. 6. С. 400].

Он **вдруг** почувствовал **окончательно**, что нечего себе задавать вопросы [43. Т. 6. С. 404].

Повтор глагола *кончить* (а также присутствие наречия *окончательно*) подчеркивает внутреннее желание Раскольникова к скорейшему покаянию

¹ Более подробно об этом см.: [60. С. 97–117].

² Эту же особенность подчеркивал и Д.С. Мережковский, отмечая, что события романа «следуют одно за другим, всё быстрее и быстрее, всё неудержимее, гонят одно другое, теснятся, как будто нагромождаются, – на самом же деле, в строгом и стройном порядке, в подчинении главной единственной цели, сосредоточиваются в возможно большем количестве в возможно меньшее время» [61. С. 145].

и признанию в своем преступлении. Повторяющееся слово *пора* также маркирует наступающее (хотя еще и неосознанное (*я не знаю, для чего я иду*), но подсказанное сердцем) время принятия судьбоносного решения – явки с повинной. В первой фразе в тексте романа вновь¹ возникает образ заходящего солнца, символизирующий время глубокого психологического переворота, обострения душевных переживаний, способствующих дальнейшему нравственному перерождению². Таким образом, детальной работой со словом Достоевский акцентирует внимание читателя на том, что наряду с фаталистической роковой стихией «саморазрушения» в поступках Раскольникова обнаруживается традиционная для русского национального характера потребность «самоспасения»³, которая проявляется в желании поскорее избавиться от терзающих его душу сомнений и безысходности.

Таким образом, признак КП *предопределенность конца* играет важную роль в формировании смыслового поля романа «Преступление и наказание»: актуализирует авторскую идею необходимости нести ответственность перед Богом за помыслы и совершаемые поступки, а также акцентирует мысль о невозможности добиться справедливости и счастья ценою несчастья или жизни другого человека. Способы объективации признака КП *предопределенность конца* подчеркивают взаимосвязь категорий преступления и наказания – слепое и фаталистическое следование ложным убеждениям (многократно подчеркнуто на уровне слова), приводит Раскольникова к жизненной дезориентации и болезни, проявляющейся на всех уровнях (многочисленные маркеры признака концепта «наказание» – «болезнь»). В финале романа нюансы лексического оформления признака КП *предопределенность конца* позволяют изобразить накал душевных переживаний главного героя и показать его потребность в самоспасении.

Признак «бегство»

Мотив пути, случайных встреч и перемещений героя по Петербургу имеет важное аксиологическое и сюжетобразующее значение в «Преступлении и наказании», – уже в начале повествования Раскольников проходит практически все основные места, в которых в дальнейшем герой и действующие персонажи романа будут пересекаться: каморка Раскольникова, квартира старухи, Сенная, К-н мост, Васильевский остров, съемная комната Мармеладова, жилище Разумихина. Случайные встречи, происходящие в перечисленных пространствах города, меняют самого героя и его судьбу. Однако помимо описания различных мест Петербурга в «Преступлении и

¹ Ср. ранее: «Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему...» [43. Т. 6. С. 327].

² См., например: [25. С. 197].

³ См.: [43. Т. 21. С. 20, 35].

наказании» неоднократно упоминается мотив¹ бегства за пределы привычного топоса. Этот факт заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания. Например, К.В. Мочульский связывает его в «Господине Прохарчине» с проблемой «одиначества человеческой души» и «замкнутости сознания» [63. С. 55]. Как было ранее подчеркнуто, в романе Петербург оказывается местом, которое является «соавтором» и «соучастником» преступных идей героев. Проявление признака *бегство*² указывает на желание героев покинуть этот город и тем самым изменить судьбу, уйти от наказания. Объективация указанного признака реализуется с помощью базовых лексем-репрезентантов концепта «наказание» и через описание типа движения Раскольникова – его бегства (реального, желаемого, предполагаемого или рекомендованного другими), связанного с последствиями совершенного им преступления.

Потребность бежать Раскольников впервые испытывает в первой части романа в момент убийства:

Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее [43. Т. 6. С. 62].

Ему вдруг опять захотелось бросить всё и уйти. Но это было только мгновение; уходить было поздно. Он даже усмехнулся на себя, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову [43. Т. 6. С. 62].

Ему хотелось поскорее убежать отсюда [43. Т. 6. С. 65].

Боже мой! Надо бежать, бежать!» – пробормотал он и бросился в переднюю [43. Т. 6. С. 66].

Глаголы *бросить*, *бросился*, *уйти*, *уходить*, *убежать* (2), *бежать* (2) акцентируют внимание читателя на эмоциональных переживаниях Раскольникова: его страхе (наряду с повторяющимися словами *страшно*), желании побыстрее покинуть место преступления и избежать расплаты за свой грех. Временные указания (*вдруг* (2), *мгновение*, *было поздно*, *поскорее*) маркируют лихорадочность мыслей героя, а также усиливают нарастающее чувство тревоги. Словесное оформление фраз подчеркивает неосознанное, но ощущаемое на физическом уровне неприятие Раскольниковым действий по реализации преступной идеи, противоречащей его натуре.

Во второй части романа после осмысления себя в качестве преступившего Раскольников вновь размышляет о бегстве:

¹ О близости мотива и хронотопа см. в работах новосибирской филологической школы, например, [62].

² Признак базового концептуального поля «преступление / наказание» на уровне хронотопа.

А, вспомнил: **бежать!** скорее **бежать, непременно, непременно бежать!** <...> Да... **а куда?** <...> Я возьму деньги и **уйду**, и другую квартиру найму, они не съедут!.. <...> Лучше совсем **бежать... далеко... в Америку**, и **наплевать на них!** [43. Т. 6. С. 100].

Повтор глагола *бежать* (4) и наречия *непременно* (2) подчеркивает мысленные намерения Раскольников и одержимость желанием покинуть свою комнату, в которой возможна встреча со следователем и вообще с его близкими и знакомыми людьми, но при этом конечное место и цель бегства в начале фразы не указываются, лишь в конце называется определенный локус – *в Америку*. Примечательно, что мотив *бегства* в Америку прослеживается практически во всех романах писателя. Л.И. Сараскина подчеркивает, что «не столько действительно **бежать в Америку**, хотеть бежать в Америку – становится часто навязчивой идеей заблудших душ, их соблазном и искушением» [64. С. 47; 65. С. 133–146], а для Достоевского Америка казалась землёй чуждой, неизведанной, куда отправляют отъявленных злодеев и людей подозрительных [64. С. 37]¹. Несмотря на то, что писатель был знаком с книгой А. Токвиля «Демократия в Америке» (достаточно часто обсуждаемой в литературных кругах), нельзя сказать, что эта страна с её либеральными установками была близка и понятна ему: «Америка, где Достоевский, как известно, никогда не был, никогда же и не была предметом его мечтаний, куда бы он “рвался” или хотел “вырваться”» [64. С. 37]. Таким образом, важной особенностью индивидуально-авторского осмысления писателем топоса Америки является восприятие его в первую очередь как места «всеобщего разъединения и обособления» [64. С. 37]. В рассматриваемом эпизоде романа Америка символизирует некую далекую страну, в которой планируется полностью поменять привычное окружение, забыть о преступной теории и совершенном поступке (концепт «преступление»), перестать испытывать угрызения совести и приступы болезни (концепт «наказание»). С другой стороны, Америка в данном случае также символизирует место небытия, локуса, до которого так трудно добраться и в котором, как и в любой другой точке мироздания, невозможно убежать от самого себя, поскольку, поставив себя на место Бога², герой лишает себя такой возможности.

В четвертой части романа о значимой роли психологических переживаний в контексте наказания рассуждает и Порфирий Петрович:

И какое мне в том беспокойство, что он несвязанный **ходит по городу!** Да пусть, пусть его **погуляет пока**, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя **жертвочка** и никуда **не убежит** от меня! Да и куда ему **убегать**, хе-хе! **За границу**, что ли? **За границу** поляк **убежит**, а не *он*, тем паче, что я слежу, да и меры принял. **В глубину отечества убежит**, что ли? Да ведь **там** мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек **скорее**

¹ Примечательно, что мотив бегства в Америку является центральным также в «Дневнике писателя», но при этом отношение к этой стране отличается неоднозначностью. См., например: [66. С. 243–259].

² См., например: [39. С. 81–83; 67. С. 1058].

острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе! Но это всё вздор и наружное. Что такое: **убежит**! Это форменное; а главное-то не то; не по этому одному он **не убежит** от меня, что **некуда убежать**: он у меня психологически не убежит, хе-хе! Каково выраженье-то! Он по закону природы у меня **не убежит**, хотя бы даже и было куда **убежать** [43. Т. 6. С. 261–262].

Признак КП «бегство» актуализируется с помощью многократно повторяющегося глагола *убежит / не убежит*. Противопоставление, подчеркнутое своеобразным синтаксическим рисунком (чередующиеся вопросы и восклицания), акцентирует внимание на тонкой психологической игре следователя, направленной на истязание «своей жертвочки»¹, а также на понимании им важной черты в психологии преступника – потребности в скитании и при этом невозможности физического бегства от мук совести². Образ «глубины отечества» в речи Порфирия связывается с русскими мужиками, которым еще чужды новомодные теории, которые не поймут подоплеку идеологического преступления, совершенного Раскольниковым, и осудят. Именно поэтому следователь указывает, что местом бегства для современного молодого идеолога мог бы стать только острог, в котором проще полностью изолировать себя от общества. Выражение *по закону природы* и повторы (*убежит, убежать*) в последнем предложении подчеркивают понимание Порфирием особых нравственных качеств Раскольникова – его особой чуткости, внутренней неосознанной потребности к возвращению к вере и принятию вины, которые позже на страницах романа будут неоднократно акцентированы на уровне слова³.

Мотив бегства в Америку вновь возникает в шестой части романа. На этот раз предложение уехать исходит из уст Свидригайлова:

...так **уезжайте** куда-нибудь **поскорее в Америку!** Бегите, молодой человек! Может, **есть еще время**. Я искренно говорю. Денег, что ли, нет? Я дам на дорогу [43. Т. 6. С. 373].

На словесном уровне призыв отправиться в далекую страну подчеркнут синонимичными глаголами *уезжайте скорее* и *бегите*. Примечательно, что ранее Аркадий Иванович сам высказывал желание отправиться в Америку, чтобы разорвать с прошлым и обрести счастье со своей новоявленной невестой. Поэтому выражение *искренно говорю* указывает на его собственные размышления на этот счет. Таким образом, проводится параллель между двумя героями, для которых бегство из привычного круга в чужую страну может стать единственным способом избежать наказания и обрести возможное душевное спокойствие. В тексте романа этой идеи как своеобразной попытки самообмана не суждено реализоваться. Свидригайлов в конце концов понимает, что Америка не может стать истинным спасением

¹ Подробнее об этом см.: [19. С. 125].

² Там же.

³ Там же.

от полностью захвативших его греховных страстей (богоотступничество, прелюбодеяние и т.д.), и ему не уготована возможность возрождения в новую жизнь¹. Для Раскольникова же возможность иного спасительного пути открывается только через принятие наказания, возвращение к вере и любви.

Итак, благодаря актуализации признака КП *бегство* прослеживается принципиальный авторский взгляд на доминирующую роль наказания на пути к искуплению вины, а также выявляется связь с признаком КП «отчуждение»². В финале романа сознательный разрыв с обществом заканчивается гибелью одного героя (Свидригайлов), а вынужденное сближение с простыми каторжными мужиками – возможностью возрождения в новую жизнь (Раскольников).

Способы объективации признака КП *бегство* в проанализированных фрагментах и его последовательное проявление в различных частях «Преступления и наказания» позволяют изобразить трагедию индивидуализма, своеволия, утраты соборности и братского единения. Подробное рассмотрение нюансов словесного оформления эпизодов романа, в которых проявляется признак КП *«бегство»*, помогает подчеркнуть важные черты персонажей романа: постоянное чувство страха, в котором пребывает Раскольников, и внутреннее сопротивление происходящему с ним, проявляющееся в желании бежать; неоднозначность образа Порфирия, который при чутком понимании психологической подоплеки преступления пытается манипулировать чувствами преступника; глубокое разочарование Свидригайлова в жизни и осознание им бессмысленности бегства как попытки самообмана.

Проведенный анализ показывает, что признак КП *бегство* выражает авторскую позицию несостоятельности и обманчивости идеи преодоления мук совести и избегания наказания путем отчуждения от привычного круга людей и бегства в чужую страну в погоне за химерами. Именно поэтому Америка своего рода символ чего-то губительного и чуждого для русского человека, метафорой гибели духовной и физической.

Таким образом, ключевыми особенностями хронотопа в романе «Преступление и наказание» являются следующие: динамичность повествования, насыщенность событиями в условиях ограниченности пространства, эсхатологическое восприятие времени Раскольниковым. Способы объективации признаков КП *масштабность распространения кризиса*, *предопределенность конца* и *бегство*, представленные на пространственно-временном уровне текста, указывают на важные для понимания идеи произведения аксиологические особенности; позволяют уточнить мировоззренческую позицию Достоевского; а также на всем протяжении романа акцентируют мысль писателя о глубине кризиса, переживаемого русским обществом, и о повсеместной утрате православных ценностей (соборности, милосердия, сострадания и т.д.). Последовательной работой со словом

¹ Именно поэтому вместо Америки Свидригайлов заканчивает жизнь самоубийством.

² Подробнее об этом см.: [19. С. 95–145].

Достоевский показывает печальные последствия распространения безнравственных идей и насаждаемой идеологии индивидуализма.

Проведенный анализ фрагментов романа, в которых ярко проявляются признаки КП *масштабность распространения кризиса, предопределенность конца и бегство*, позволяет уточнить особенности образов персонажей и подчеркнуть их черты: истинную деловитость Разумихина; алчность, индивидуализм и поверхностность Лужина; осознанное понимание трагедии разрушения традиционных ценностей Свидригайловым; амбивалентность образа Порфирия и т.д. Православные акценты признаков КП на уровне пространства и времени становятся важным элементом психологического анализа, позволяющим опосредованно, без лишней риторики, как и планировал писатель, изобразить мельчайшие нюансы переживания преступника и обозначить неизбежность высшего наказания. Векторное движение сюжета фиксирует цепочку эмоциональных переживаний героя и его желание стремительно приблизить будущее и «разрешить неразрешимые вопросы», что в конечном счете ведёт героя к черте и близкой катастрофе. Ступение пространственно-временных категорий создает впечатление фаталистического конца. Ложные представления Раскольникова о времени и пространстве, продиктованные страхом, создают образ неправильной, искажённой реальности. За счет этого акцентируются психологическая нестабильность и болезнь главного героя «Преступления и наказания».

Изучение словесной ткани романа и рассмотрение эпизодов, в которых проявляются признаки КП на уровне пространства и времени, позволяет внести дополнения в интерпретацию произведения, подчеркнуть важные православные акценты и авторскую идею о необходимости сохранения братского единения, милосердного, сострадательного отношения к ближним вопреки распространяющемуся культу индивидуализма; неизбежности ответственности каждого за преступления и трагедии, происходящие в обществе; спасительном смирении и прохождении через страдания на пути к воскресению.

Список источников

1. Бердяев Н.Н. Миросозерцание Достоевского. Прага : YMCA-Press, 1923. 238 с.
2. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
4. Беляева И.А. Фаустовский «сюжет» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. : в 2 кн. / отв. ред. М.Б. Лоскутникова. М., 2012. С. 65–80.
5. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
6. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 209 с.
7. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (дата обращения: 05.10.2020). doi: 10.15393/j9.art.1998.2472

8. *Захаров В.Н.* Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (дата обращения: 04.12.2019). doi: 10.15393/j9.art.2001.2511
9. *Захаров В.Н.* «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Т. 7. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 529–544.
10. *Тихомиров Б.Н.* «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб. : Серебряный век, 2012. 504 с.
11. *Сыромятников О.И.* Православие в художественном мире романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 283–289.
12. *Тарасова Н.А.* «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 190–216. doi: 10.15393/j9.art.2020.7962
13. *Тихомиров Б.Н.* Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 232–246.
14. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского. «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб. : Серебряный век, 2005. 472 с.
15. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Серебряный век, 2016. 558 с.
16. *Тарасова Н.А.* Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского : Проблемы изучения. М. : Квадрига, 2015. 192 с.
17. *Тихомиров Б.Н.* Из творческой истории романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: (Соня Мармеладова и Порфирий Петрович) // Русская литература. 1986. № 2. С. 217–223.
18. *Булгакова Н.О.* Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Бесы» во французской словесной культуре : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 309 с.
19. *Головачева Е.А.* Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой словесной культуре : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 329 с.
20. *Головачева Е.А., Седельникова О.В.* Концепт «семья» в смысловой структуре и поэтике романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Учен. зап. ПетрГУ. 2020. Т. 42, № 3. С. 8–18.
21. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.
22. *Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии 1992. № 1. С. 134–164.
23. *Гроссман Л.П.* Поэтика Достоевского. М. : ГАХН, 1925. 188 с.
24. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.
25. *Волошин Г.* Пространство и время у Достоевского // Slavia. 1933. № 1–2. С. 167–170.
26. *Дурылин С.Н.* Об одном символе у Достоевского // Достоевский : сб. ст. М., 1928. С. 163–198.
27. *Цейтлин А.Г.* Время в романах Достоевского // Русский язык в школе. 1927. № 5. С. 3–17.
28. *Фридендер Г.М.* Достоевский и русский классический роман XIX века. «Преступление и наказание» // Г.М. Фридендер. Реализм Достоевского. М. ; Л., 1964. С. 110–218.
29. *Лихачев Д.С.* «Летописное время» у Достоевского // Литература – реальность – литература. Л., 1981. С. 97–116.

30. Евнин Ф.И. «Живопись» Достоевского // Изв. АН СССР. Отд.-ие лит. и яз. М., 1959. Т. 18, вып. 2. С. 131–148.
31. Катто Ж. Пространство и время в романах Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 41–53.
32. Арбан Д. «Порог» у Достоевского // Ф.М. Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 19–30.
33. Соловьёв С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского. М. : Сов. писатель, 1979. 352 с.
34. Топоров В.Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 91–109.
35. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»); Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное. М., 1995. С. 193–368.
36. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова: (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М. : Худож. лит., 1986. 414 с.
37. Кожин В.В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 107–187.
38. Мочульский К.В. «Преступление и наказание» // Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество. Москва ; Берлин, 2017. С. 292–338.
39. Касаткина Т.А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2003. Т. 11. С. 81–89.
40. Селезнёв Ю.И. В мире Достоевского. М. : Современник, 1980. 375 с.
41. Кошечко А.Н. Поэтика художественного пространства романов Ф.М. Достоевского 1960-х годов («Преступление и наказание», «Идиот») : автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2003. 24 с.
42. Хоц А.Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 51–80.
43. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л. : Наука, 1972–1990.
44. Карякин Ю.Ф. Самообман Раскольникова. М. : Худ. лит., 1976. 158 с.
45. Фридендер Г.М. Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений : в 30 т. / [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1973. Т. 7: Преступление и наказание: Рукописные ред. / тексты подгот. и примеч. сост. Л.Д. Опульская и др. С. 330–342.
46. Гус М.С. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1971. 592 с.
47. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. Л. : Просвещение, 1979. 240 с.
48. Альми И.Л. О романтическом «пласте» в романе «Преступление и наказание» // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г.М. Фридендер. Л., 1991. Т. 9. С. 66–75.
49. Лебедев Ю.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в школе. Кострома : Костромиздат, 1968. 93 с.
50. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб. : Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
51. Викторovich В.А. «Были бы братья...»: М.М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский: материалы и исследования. СПб. : Нестор-История, 2019. Т. 22. С. 41–55.
52. Юзефович И. Талуш и лишний человек: отмирающая группа, или вечные герои? // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2013. № 13. С. 164–187.

53. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962.
54. Карякин Ю.Ф. Правда посюстороннего мира : к 100-летию романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 147–158.
55. Карякин Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание» // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 166–195.
56. Карякин Ю.Ф. Перечитывая Достоевского... : к 150-летию со дня рождения // Новый мир. 1971. № 11. С. 239–260.
57. Реизов Б.Г. «Преступление и наказание» и проблемы европейской действительности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30, № 5. С. 388–399.
58. Шкловский В.Б. За и против: Заметки о Достоевском. М. : Сов. писатель, 1957. 262 с.
59. Коган Г.Ф. Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений : в 30 т. / [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.] Л. : Наука, 1973. Т. 7. С. 399.
60. Ветловская В.Е. «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2001. Т. 16. С. 97–117.
61. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М. : Наука, 2000. 589 с.
62. Ромодановская Е.К., Климова М.Н., Курышева Л.А. и др. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск : Гео, 2012. 311 с.
63. Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество. Париж : YMCA PRESS, 1980. 565 с.
64. Сараскина Л.И. Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Русская почта: Журнал о русской литературе и культуре. 2008. № 1. С. 36–48.
65. Сараскина Л.И. Америка как миф и утопия: бегство в никуда // Испытание будущим: Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М., 2010. С. 133–146.
66. Коротченко Т.В. Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 243–259.
67. Мосалева Г.В. «Нетерпеливый человек» Раскольников и таинственная Россия (о литургичности «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31, № 5. С. 1050–1060.

References

1. Berdyaev, N.N. (1923) *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Prague: YMCA-Press.
2. Losskiy, N.O. (1953) *Dostoevskiy i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and His Christian Worldview]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
3. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
4. Belyaeva, I.A. (2012) Faustovskiy "syuzhet" v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [Faust's "plot" in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. In: Loskutnikova, M.B. (ed.) *Rusistika i komparativistika: Sbornik nauchnykh statey: v 2 kn.* [Russian Studies and Comparative Studies: Collection of Articles in 2 Books]. Moscow: MSPU. pp. 65–80.
5. Esaulov, I.A. (1995) *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [the category of conciliarity in Russian literature]. Petrozavodsk: PetrSU.
6. Zakharov, V.N. (1985) *Sistema zhanrov Dostoevskogo (tipologiya i poetika)* [Dostoevsky's system of genres (typology and poetics)]. Leningrad: LSU.
7. Zakharov, V.N. (1998) *Pravoslavnye aspekty etnopoetiki russkoy literatury* [Orthodox aspects of ethno poetics of Russian literature]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. [Online] Available from: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (Accessed: 05.10.2020). doi: 10.15393/j9.art.1998.2472

8. Zakharov, V.N. (2001) Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian realism in Russian literature (statement of the problem)]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 6. [Online] Available from: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (Accessed: 04.12.2019). doi: 10.15393/j9.art.2001.2511
9. Zakharov, V.N. (2007) "Pravoslavnoe vozzrenie": idei i ideal ["Orthodox view": ideas and ideal]. In: Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch.: Kanonicheskie teksty* [Complete works: Canonical texts]. Vol. 7. Petrozavodsk: PetrSU. pp. 529–544.
10. Tikhomirov, B.N. (2012) "...Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom": Stat'i i esse o Dostoevskom ["...I am engaged in this mystery, because I want to be a person": Articles and essays about Dostoevsky]. St. Petersburg: Serebryanny vek.
11. Syromyatnikov, O.I. (2008) Pravoslaviye v khudozhestvennom mire romana F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [Orthodoxy in the literary world of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo*. 6. pp. 283–289.
12. Tarasova, N.A. (2020) "Voskresenie" and "Voskreshenie" in Fedor Dostoevsky's Novel Crime and Punishment. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 18 (2). pp. 190–216. (In Russian). doi: 10.15393/j9.art. 2020.7962
13. Tikhomirov, B.N. (1996) Iz nablyudeniy nad romanom "Prestuplenie i nakazanie" [From observations on the novel "Crime and Punishment"]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 13. St. Petersburg: Nauka. pp. 232–246.
14. Tikhomirov, B.N. (2005) "Lazar'! Gryadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy ["Lazarus! Come out." The novel by FM Dostoevsky. "Crime and Punishment" in a modern reading: A commentary book]. St. Petersburg: Serebryanny vek.
15. Tikhomirov, B.N. (2016) "Lazar'! gryadi von. Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy ["Lazarus! Come out." The novel by FM Dostoevsky. "Crime and Punishment" in a modern reading: A commentary book]. 2nd ed. St. Petersburg: Serebryanny vek.
16. Tarasova, N.A. (2015) Khristianskaya tema v romane "Prestuplenie i nakazanie" F.M. Dostoevskogo: Problemy izucheniya [Christian Theme in the Novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky: Problems of Study]. Moscow: Kvadriga.
17. Tikhomirov, B.N. (1986) Iz tvorcheskoy istorii romana F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": (Sonya Marmeladova i Porfiry Petrovich) [From the Creative History of the Novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky: (Sonya Marmeladova and Porfiry Petrovich)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 217–223.
18. Bulgakova, N.O. (2018) Retseptsiya romana F.M. Dostoevskogo "Besy" vo frantsuzskoy slovesnoy kul'ture [Reception of the Novel by F.M. Dostoevsky "Demons" in French Verbal Culture]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
19. Golovacheva, E.A. (2022) Retseptsiya romana F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v nemetskoj slovesnoy kul'ture [Reception of the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" in German verbal culture]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
20. Golovacheva, E.A. & Sedel'nikova, O.V. (2020) Kontsept "sem'ya" v smyslovoj strukture i poetike romana F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [The concept "family" in the semantic structure and poetics of the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment"]. *Uch. zap. PetrGU*. 42 (3). pp. 8–18.
21. Bakhtin, M.M. (1975) Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: *Voprosy literaturny i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khud. lit. pp. 234–407.
22. Bakhtin, M.M. (1992) Dopolneniya i izmeneniya k "Rable" [Additions and amendments to Rabelais]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 134–164.

23. Grossman, L.P. (1925) *Poetika Dostoevskogo* [Dostoevsky's Poetics]. Moscow: GAKhN.
24. Bakhtin, M.M. (2017) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
25. Voloshin, G. (1933) Prostranstvo i vremya u Dostoevskogo [Space and Time in Dostoevsky]. *Slavia*. 1-2. pp. 167–170.
26. Durylin, S.N. (1928) Ob odnom simvole u Dostoevskogo [On One Symbol in Dostoevsky]. In: *Dostoevskiy: sb. st.* [Dostoevsky: Collection of Articles]. Moscow: [s.n.]. pp. 163–198.
27. Tseytlin, A.G. (1927) Vremya v romanakh Dostoevskogo [Time in Dostoevsky's Novels]. *Russkiy yazyk v shkole*. 5. pp. 3–17.
28. Fridlender, G.M. (1964) Dostoevskiy i russkiy klassicheskiy roman XIX veka. "Prestuplenie i nakazanie" [Dostoevsky and the Russian Classical Novel of the 19th Century. "Crime and Punishment"]. In: *Realizm Dostoevskogo* [Dostoevsky's Realism]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 110–218.
29. Likhachev, D.S. (1981) "Letopisnoe vremya" u Dostoevskogo ["Chronicle Time" in Dostoevsky]. In: *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – Reality – Literature]. Leningrad: Sovetskiiy pisatel'. pp. 97–116.
30. Evnin, F.I. (1959) "Zhivopis'" Dostoevskogo [Dostoevsky's "Painting"]. *Izv. AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. XVIII (2). pp. 131–148.
31. Catteau, J. (1978) Prostranstvo i vremya v romanakh Dostoevskogo [Space and Time in Dostoevsky's Novels]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 41–53.
32. Arban, D. (1976) "Porog" u Dostoevskogo ["Threshold" in Dostoevsky]. In: *F.M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [FM Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 19–30.
33. Solov'ev, S.M. (1979) *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Visual Means in the Works of FM Dostoevsky]. Moscow: Sov. pisatel'.
34. Toporov, V.N. (1973) Poetika Dostoevskogo i arkhainnye skhemy mifologicheskogo myshleniya [Dostoevsky's poetics and archaic schemes of mythological thinking]. In: *Problemy poetiki i istorii literatury* [Problems of poetics and history of literature]. Saransk: Mordovia State University. pp. 91–109.
35. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeicheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeic: Selected Works]. Moscow: Izd. gruppa "Progress", "Kul'tura". pp. 193–368.
36. Kirpotin, V.Ya. (1986) *Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova (Kniga o romane Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie")* [Disappointment and Downfall of Rodion Raskolnikov (A Book about Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment")]. Moscow: Khudozh. lit.
37. Kozhinov, V.V. (1971) "Prestuplenie i nakazanie" F.M. Dostoevskogo ["Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky]. In: *Tri shedevra russkoy klassiki* [Three masterpieces of Russian classics]. Moscow: Khud. lit. pp. 107–187.
38. Mochul'skiy, K.V. (2017) *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and Works]. Moscow; Berlin: Direkt-Media. pp. 292–338.
39. Kasatkina, T.A. (2003) Kategoriya prostranstva v vospriyatii lichnosti tragicheskoy miroorientatsii (Raskol'nikov) [The Category of Space in the Perception of a Person with a Tragic World Orientation (Raskolnikov)]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 81–89.
40. Seleznev, Yu.I. (1980) *V mire Dostoevskogo* [In the World of Dostoevsky]. Moscow: Sovremennik.
41. Koshechko, A.N. (2003) *Poetika khudozhestvennogo prostranstva romanov F.M. Dostoevskogo 1960-kh godov ("Prestuplenie i nakazanie", "Idiot")* [Poetics of the

literary space of F.M. Dostoevsky's novels of the 1960s ("Crime and Punishment", "The Idiot"). Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

42. Khots, A.N. (1994) Strukturnye osobennosti prostranstva v proze Dostoevskogo [Structural features of space in Dostoevsky's prose]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 51–80.

43. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Complete works in thirty volumes]. Leningrad: Nauka.

44. Karyakin, Yu.F. (1976) *Samoobman Raskol'nikova* [Raskolnikov's self-deception]. Moscow: Khud. lit.

45. Fridlender, G.M. (1973) *F.M. Dostoevskiy. Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [F.M. Dostoevsky. Complete collected works: in 30 volumes]. Vol. 7. Leningrad: Nauka. pp. 330–342.

46. Gus, M.S. (1971) *Idei i obrazy F.M. Dostoevskogo* [Ideas and images of F.M. Dostoevsky]. 2nd ed. Moscow: Khud. lit.

47. Belov, S.V. (1979) *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": Kommentariy* [F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment": Commentary]. Leningrad: Prosveshchenie.

48. Al'mi, I.L. (1991) O romanticheskom "plaste" v romane "Prestuplenie i nakazanie" [On the Romantic "Layer" in the Novel "Crime and Punishment"]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 9. Leningrad: Nauka. pp. 66–75.

49. Lebedev, Yu.V. (1968) *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v shkole* [Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in School]. Kostroma: Kostromizdat.

50. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB.

51. Viktorovich, V.A. (2019) "Byli by brat'ya...": M.M. Dostoevskiy kak prototip Razumikhina ["If only there were brothers...": M.M. Dostoevsky as a prototype of Razumikhin]. In: *Dostoevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 22. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 41–55.

52. Yuzefovich, I. (2013) Talush i lishniy chelovek: otmirayushchaya gruppa, ili vechnye geroi? [Talush and the superfluous man: a dying group, or eternal heroes?]. *Tirosh. Trudy po iudaike, slavistike, orientalistike*. 13. pp. 164–187.

53. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobr. soch.: v 9 t.* [Collected works: in 9 volumes]. Moscow; Leningrad: GIKhL.

54. Karyakin, Yu.F. (1967) Pravda posyustoronnego mira: k 100-letiyu romana F. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [The truth of this world: on the 100th anniversary of F. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 147–158.

55. Karyakin, Yu.F. (1971) O filosofsko-eticheskoy problematike romana "Prestuplenie i nakazanie" [On the Philosophical and Ethical Problematics of the Novel "Crime and Punishment"]. In: *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad: Nauka. pp. 166–195.

56. Karyakin, Yu.F. (1971) Perechityvaya Dostoevskogo ...: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Rereading Dostoevsky ...: on the 150th Anniversary of His Birth]. *Novyy mir*. 11. pp. 239–260.

57. Reizov, B.G. (1971) "Prestuplenie i nakazanie" i problemy evropeyskoy deystvitel'nosti ["Crime and Punishment" and the Problems of European Reality]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. XXX (5). pp. 388–399.

58. Shklovskiy, V.B. (1957) *Za i protiv. Zametki o Dostoevskom* [Pro et contra. Notes on Dostoevsky]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

59. Kogan, G.F. (1973) *F.M. Dostoevskiy. Poln. sobr. Soch.: v 30 t.* [F.M. Dostoevsky. Complete Works: in 30 volumes]. Vol. 7. Leningrad: Nauka. p. 399.

60. Vetlovskaya, V.E. (2001) "Khozhdenie dushi po mytarstvam" v "Prestuplenii i nakazanii" Dostoevskogo ["The Soul's Journey through Ordeals" in Dostoevsky's "Crime and

Punishment”]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 16. St. Petersburg: Nauka. pp. 97–117.

61. Merezhkovskiy, D.S. (2000) *L. Tolstoy i Dostoevskiy* [L. Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow: Nauka.

62. Romodanovskaya, E.K. et al. (2012) *Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoy literatury* [Plot and Motif Complexes of Russian Literature]. Novosibirsk: Geo.

63. Mochul'skiy, K.V. (1980) *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and Works]. Paris: YMKA PRESS.

64. Saraskina, L.I. (2008) Amerika kak mif i utopiya v tvorchestve Dostoevskogo [America as a Myth and Utopia in Dostoevsky's Works]. *Russkaya pochta. Zhurnal o russkoy literature i kul'ture*. 1. pp. 36–48.

65. Saraskina, L.I. (2010) Amerika kak mif i utopiya: begstvo v nikuda [America as a Myth and Utopia: Flight to Nowhere]. In: *Ispytanie budushchim. F.M. Dostoevskiy kak uchastnik sovremennoy kul'tury* [Testing the Future. F.M. Dostoevsky as a Participant in Contemporary Culture]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 133–146.

66. Korotchenko, T.V. (2020) The Image of America in a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 243–259. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/15

67. Mosaleva, G.V. (2021) “Neterpelivyy chelovek” Raskol'nikov i tainstvennaya Rossiya (o liturgichnosti “Prestupleniya i nnakazaniya” F.M. Dostoevskogo) [“The Impatient Man” Raskolnikov and Mysterious Russia (on the Liturgy Nature of F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”*. 31 (5). pp. 1050–1060.

Информация об авторе:

Головачева Е.А. – канд. филол. наук, начальник Отдела развития онлайн-образования, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Golovacheva, Cand. Sci. (Philology), head of the Online Education Development Department, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.08.2023;
одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 16.08.2023;
approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 12.07.2024.*